

Б.В. МАРКОВ

ИМПЕРСКИЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТЫ БУДУЩЕГО РОССИИ*

***Аннотация:** Если европейские мыслители чаще говорят о противостоянии Востока и Запада, то русские философы видят миссию России в объединении этих цивилизаций. Старая, сложившаяся в русской мифологии и истории культурно-историческая ориентация «Север — Юг» сменилась в XVIII в. на перспективу «Запад — Восток». Сегодня заговорили о необходимости переориентации. Это вызвано климатическими изменениями, а, главное, открытием природных ресурсов Севера. В поисках альтернативного экологически безопасного пути развития усилился интерес к традиционной культуре, основанной на адаптации к окружающей среде.*

В этом отношении Россия интересна не только как источник сырья. Культурный капитал народов Севера сыграл важную роль в развитии русского этноса и, наоборот, у русских переселенцев коренные народы заимствовали цивилизационные достижения, способствующие повышению качества их жизни. Изучение взаимоотношений людей и культур на территориях Русского Севера и Сибири является примером выстраивания отношений между народами, отличающимися по культурным и цивилизационным параметрам. В этой связи чрезвычайно важно избавиться от колониальной исследовательской парадигмы, которая сложилась на основе западных практик эксплуатации стран третьего мира. В частности, сравнение произведений русских и английских писателей XIX в. обнаруживает специфику формирования евразийской цивилизации, которая состоит, прежде всего, в том, что основные тяготы преобразования ландшафтов Севера для оседлого существования несли русские переселенцы.

Марков Борис Васильевич — доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург), профессор Гуманитарного института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород). E-mail: b.markov@spbu.ru.

---

* Публикуется при поддержке РФФИ. Грант №19-011-00775 «Топология культурной памяти в диалоге поколений».

Abstract: *If European thinkers are more likely to talk about the confrontation between East and West, then Russian philosophers see Russia's mission in uniting these civilizations. The old cultural and historical orientation of "North-South" developed in Russian mythology and history was replaced in the 18th century by the perspective of "West-East". Today we talked about the need to refocus. This is caused by climate change and, most importantly, by the discovery of the North's natural resources. In search of an alternative, environmentally friendly development path has increased interest in traditional culture based on adaptation to the environment. In this regard, Russia is interesting not only as a source of raw materials. The cultural capital of the peoples of the North played an important role in the development of the Russian ethnic group and, conversely, the Russian settlers borrowed indigenous peoples from civilizational achievements that helped to improve their quality of life. The study of the relationship between people and cultures in the territories of the Russian North and Siberia is an example of building relations between peoples, differing in cultural and civilizational parameters. In that regard, it was extremely important to get rid of the colonial research paradigm that had developed from Western practices of exploitation of third world countries. In particular, the comparison of the works of Russian and English writers of the 19th century reveals the specifics of the formation of Eurasian civilization, which consists, first of all, in the fact that the main burdens of transforming the landscapes of the North for sedentary existence, carried Russian settlers.*

Ключевые слова: *Этнос, нация, империя, Россия, Европа, Восток, Запад, культура, цивилизация, история, утопия, чужой.*

Keywords: *Ethnos, nation, empire, Russia, Europe, East, West, culture, civilization, history, utopia, alien.*

Русская идея: история и утопия

Современное самосознание строится на основе истории или утопии. Все осознают, что наука и техника снабжают человека средствами уничтожения. Но вопрос, против кого они будут направлены — это не проблема науки. На него можно отвечать лишь с точки зрения философии истории. Ни один автор не заявил об этом с большим пафосом, чем К. Лёвит. В своем анализе концепций истории он движется от философии истории к теологии истории и, наконец, к эсхатологии. Но при этом не нейтрализует прошлое настоящим. Лёвит справедливо отмечал, что варварство не знало истории и придерживалось мифа о вечном возвращении. Действительно, схема вечного возвращения не предполагает исторического метода. Вместе с тем идея прогресса, выдвинутая в эпоху Просвещения, это не что иное, как секуляризированная иудео-христианская эсхатология.

Сегодня речь не идет ни о вечном возвращении, ни об эсхатологии:

люди не связаны друг с другом большими планами. Постигание истории связано с замыслами человека, а не с предопределением. В соответствии с современным историческим самосознанием, в прошлом ищут параллели с настоящим. Ярким примером является гегелевско-марксистская диалектика исторического самопонимания. Сен-Симон называл социализм «новым христианством». Циклические и эсхатологические архетипы обусловили поиск исторических параллелей. Все говорили о закате эона творческого времени и ожидали нового цикла истории. Поскольку гегелевская идея прогресса превратила круги в спираль, христианство рассматривалось как начало творческого эона. Вопрос в том, насколько совместимы историческое сознание и эсхатология. На него почти всегда отвечают отрицательно. Эсхатология ещё меньше способствует возникновению истории, чем циклическое вечное возвращение. Живое ожидание конца света лишает историю всякого смысла. И всё же между ними есть связь. Мостом между историей и эсхатологией является образ священной силы, которая появляется в конце и побеждает зло.

После констатации «смерти идеологии», кажется, настает век национальной философии. Мы ищем «Русскую идею», европейцы «идею Европы». Национальная идея в традиционном обществе понималась как выражение «духа народа». Конечно, эмоциональная связь с местом, языком, культурой, обычаями и сородичами в эпоху глобализации не является столь же прочной, как в традиционном обществе. Однако чувство родины, как архетип живет в сознании наших современников. Поэтому трактовка империи как территории в экзистенциальном, культурном и цивилизационном смысле представляется вполне оправданной [10, 132]. Речь идёт не о редукции, а о подсоединении различных подходов к развитию имперского проекта.

Русская идея — это символическая иммунная система, а не сообщение, оцениваемое как истинное или ложное, и не идеология, как выражение интереса той или иной группы людей, а речевой акт, который воздействует как обещание. Риторика важнее логики. Отсюда различие в технологии конструирования: главное не проверяемость, а перформативность высказываний. Дискурс о русской идее напоминает по форме идеологию. Отличие в том, что идеология — это выражение классового интереса, а перформатив изрекается пророком или вождём и учреждается его авторитетом.

Эпоха политпросвета закончилась, а пропаганда дискредитирована. Остаётся учиться у Церкви. Вселенское учение излагается Христом, и нет ему иных доказательств, кроме веры в то, что посланник — это Сын Божий. С точки зрения науки, Евангелие не соответствует реальности. Тот,

кто его послал, тоже невидим. Христос же для оправдания своего права говорить от имени Бога ссылается на пророка, сообщавшего о Его приходе, но Креститель сам действует от имени Христа. Поэтому, строго говоря, только Его жизнь и страдания, только яркий рассказ о Его деяниях поддерживает христианскую веру. И всё же учение Христа вряд ли распространилось бы по поверхности всей Земли без ап. Павла, который оказался гениальным менеджером, создателем и управленцем института Церкви.

Учение Маркса тоже содержит немало загадок. «Манифест» чем-то напоминает Евангелие. Вопрос не в том, что в них общего, а в том, с кем сравнивать Маркса – с Христом или Павлом? А может, Маркс был един в двух лицах, т.е. был и автором, и менеджером своего учения. Ведь он не только написал «Капитал», но и организовал Интернационал. Вопрос о содержании идеи или утопии, конечно, тоже немаловажен. Речь идёт о народных чаяниях, которые отразились и в Евангелии, и в «Манифесте». И всё-таки, важнее всего вопрос о том, от чьего имени говорят? Евангелие похоже на повестку в суд. Неявка грозит серьёзным наказанием. Что нового внес в эту конструкцию Маркс? Он сообщает вселенскую идею и действует по аналогии с Павлом, на что обратил внимание Бадью. Но говорит он от имени пролетариата, а не Бога. Именно пролетариат определял во времена Маркса судьбу истории и был, так сказать, аватаром Бога. При этом возникает прежний парадокс: учение написано от имени того пролетариата, которого ещё нет, который ещё нужно воспитать на основе марксистского учения.

Как писал Н.А. Бердяев в «Судьбе России», русский народ ищет правду и не особо жалуется идею. Её формулировка – дело интеллигенции. Революция вряд ли была продуктом религиозных и даже моральных исканий. Конечно, все хотели справедливости. Поэтому страсти было больше, чем размышления. И всё же русский мужик, хоть и тяжело, но думал. Дело не в быстроте ума, а в содержательной стороне мысли. Что же было содержанием русской идеи? Скорее всего, русскую правду выражали народники, те, кто обещали дать землю крестьянам. Большевики использовали их лозунги, поэтому в мужицкой стране победила теория освобождения пролетариата.

Бескровных революций не бывает. Классовая борьба, гражданская война и террор – обратная сторона идеи, не признающей сострадания. Русская идея по своему содержанию может быть либеральной или консервативной, социалистической или коммунистической, демократической или даже националистической. Возможна и пёстрая ткань из этих элементов. Главное, не создавать чрезвычайную ситуацию и не предлагать ничего, что приведет к ухудшению положения людей. В эпоху глоба-

лизации изменились понятия не только «народа», но и «класса». С одной стороны, это исключает возможность гражданских войн. С другой стороны, новые социальные и экономические агенты, их агломерации порождают новые проблемы.

Реакцией на утрату идентичности стало возрождение имперского сознания. Если у славянофилов и западников, либералов и консерваторов речь идет об идеале, то какой должна быть идеальная империя? Такая задача была инициирована ещё Г. Гегелем, который строил модель идеального государства и пытался совместить бюрократию с патриотизмом, одухотворение рейха с любовью граждан. У В.С. Соловьева мировая православная империя тоже преследует духовную, а не экономическую цель.

Является дискурс об империи критическим или апологетическим? Насколько он соответствует нашим представлениям о национальной идее? Можно говорить о преемственности славянофильской утопии с большевизмом. С этим уже неоднократно высказываемым предположением, скорее всего, следует согласиться. Тогда нужно более основательно посмотреть на бытующее мнение о религиозных корнях марксизма. Маркс, Ленин и Сталин мечтали не об империи, а о мировой революции. В случае осуществления этой мечты, империя и государство оказались бы ненужными. Но на практике все получилось по-другому. Во-первых, марксизм не был окончательной фазой секуляризации. Мечта о божьем граде трансформировалась в утопию коммунистического общества. Во-вторых, для борьбы с буржуазным государством требовалось более сильное «тоталитарное» государство, основанное на диктатуре. Вопрос в том, что с ним было бы в случае победы пролетариев во всемирном масштабе? По идее, это означало бы его самоуничтожение. Но логика власти такова, что диктаторы, выполнившие задачи, возникающие в периоды чрезвычайных ситуаций, добровольно в отставку не уходят.

В СССР люди были «советским народом». После 1991 года им предложили называться «россиянами». Это новый национальный статус граждан России, перешедшей в стадию национального государства. Нация — конструкт, но не чисто политический. Для её создания применяются культурные технологии. Это, прежде всего, классическое образование и литература, которая, собственно, и прививает основы патриотизма. При этом нужно просчитывать последствия выбора. Народ — фундамент империй, а нация — основа национального государства. Империя принимает чужого в качестве гостя, а нация считает его иностранцем. Почему империи разваливаются, почему люди предпочитают свободу, которая на деле связана с множественностью ограничений? Ницше даже считал, что в империях дышалось свободнее, чем в демократических государствах. Носталь-

гия по СССР вызвана именно тем, что всё стало хуже. Кругом беспорядок, коррупция, нищета, границы и барьеры. Новая Россия пошла по пути позднего Рима: сами не производим, живем продажей сырья, нещадно эксплуатируем иностранную рабочую силу. Эта экономика ещё более примитивная, чем в СССР.

Империя и цивилизация

Согласно одному из мифов, викинги были приглашены славянскими племенами на территорию сегодняшней России, чтобы создать государственный порядок. В христианском летописании православная вера как государственная религия пришла из Византии, т.е. из южного средиземноморья. Сегодня теоретики национального сознания дистанцируются от Запада, ибо определяют русскую идентичность как культурную, опирающуюся на русскую историю, русский язык, русский народ, государство и православие.

Запад и Восток, Север и Юг — это не только географические, но и символические образования. Россия расположена между ними и конструирует их образы, чтобы определить себя. Европа и Россия — прежде всего, архетипы сознания, которые наполняются конкретным содержанием в зависимости от взаимных интересов. Долгое время дело ограничивалось торговлей. Но торговле нужны моря и порты. Поэтому Петр, возможно, и не собирался сделать Россию Европой. Он даже сказал, что лет через пятьдесят Россия может повернуться к ней спиной.

Однако европейская цивилизация проникала внутрь страны и меняла ментальность людей. Верхушка оевропеилась, а народ жил своей, как говорил Ключевский, «туземной» жизнью. Если раньше боярин и крестьянин понимали мир в принципе одинаково, то теперь сложились двойные стандарты. При этом правящий класс вел себя довольно странно и временами устраивал восстание против европейских обычаев. Славянофильство — это реакция на западное влияние. Оно не естественно, а реактивно. По Ключевскому, Европа для нас — не предмет выбора, а необходимость. Главное, как использовать её достижения. Опираясь на науки, можно строить заводы и опровергать существование Бога.

Германский рейх позиционировался как наследник западной Римской империи. Россия лозунгом «Москва — третий Рим» объявила себя преемницей византийской, восточной римской империи. Современные российские историки отвергают нормандскую версию происхождения российской государственности от Рюрика. Викинги сами принадлежали к племени Русов. Гумилев считал, что Синеус и Творг — не имена братьев, а названия дружинников и родственников [5]. Одна их часть обосновалась в Старой

Ладоге, другая – в Белозерске. Княжеская дружина – отряд завоевателей для сбора дани с элементами вечевой демократии, но ещё не государство.

В погоне за мехами русские всё дальше проникали на северные территории. На Севере столкновений с местными не было, так как у них были разные способы освоения ландшафтов. Об этом свидетельствует отсутствие крепостей на Севере (три укрепленных города – Белозерск, Гleden и Великий Устюг). Уроженцы северных уездов (Дежнев, Алексеев, Хабаров, Атласов) были первопроходцами Сибири. Её освоение сопровождалось интенсивным сооружением острогов потому, что её территории были уже колонизованы сильными азиатскими этносами. Поскольку крестьяне-переселенцы и кочевники занимали разные хозяйственные ниши, постольку причины следует искать в укреплении русского государства, в развитии военного, чиновничьего и торгового сословий, которые шли не вслед за стихийно продвигавшимися свободными колонистами, как на Севере, а по воле государства, нуждавшегося в меховой «валюте». Наиболее существенно на жизнь аборигенов повлияли купцы. Они покупали меха, мясо и рыбу, и продавали кроме ружей водку. Правда, имперская власть с этим боролась. А.И. Гончаров констатировал, что от Владивостока до Иркутска водка была большой редкостью.

Российский царь позиционировался как отец родной, а подданные как его дети, но постепенно, как показал в своей «Истории» С. Соловьев, Россия становилась правовым государством. Структура сообщества в Англии характеризовалась как аристократически-органическая, в Испании – народно-анархическая, а во Франции – буржуазно-механистическая. Английское общество – продукт спонтанной организации, оно иерархично, но это считается настолько естественным, что ощущается как равенство. Главная категория – свобода, понимаемая как отсутствие политического принуждения. Французский абсолютизм вытекает из рационализма.

Идеологи так называемых «постимперских исследований» исходят из того, что Российская империя была гораздо хуже Британской, так как была менее цивилизационной. Если посмотреть «Записки русского путешественника» Карамзина, то русский историк утверждал, что народ в России живет комфортнее, чем в Европе. Гердер тоже положительно расценивал покровительство Екатерины в Прибалтике. Возможно, какие-то основания так говорить были у прибалтийской интеллигенции, да и то применительно к определенному времени и с точки зрения односторонних критериев сопоставления. Совершенно очевидно, что переход от аграрно-хуторского хозяйства к современному высокотехнологичному производству в странах Восточной Европы был осуществлен русскими рабочими и инженерами.

Образ цивилизации видится либо по либеральному образцу – как искусство управлять, либо по консервативному – как ответственность, либо по социалистическому – как справедливость. Народ, этнос – это некие «естественно-исторические» образования, складывающиеся веками. Нация же – искусственно конструируемое политическое понятие. После французской революции, на знаменах которой красовалось и «братство», религиозные войны в Европе уступили место сборке государства как нации на основе правовых и моральных норм. Однако метафоры народа и отечества были реанимированы уже при Наполеоне. В школьном учебнике истории излагалась история о солдате Шовене, отдавшем жизнь за Родину. Став «россиянами», мы тоже вступили на путь национального самоопределения со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Славянский вопрос

Во время русско-турецкой войны Достоевский обличал Османскую империю как прогнившую и реакционную. В «Дневнике писателя» за 1877 г. собраны довольно недружественные высказывания об отношении европейцев к России. Правда, он обращал внимание в основном на критику России в европейской печати, где она представлялась как ослабевшее и реакционное государство. Поражение России европейцы в основном расценивали положительно, так как боялись её усиления. Но были и русофилы, например, Ницше. Да и сам Бисмарк не считал Россию врагом. В этих условиях и нужно понимать резкие высказывания Достоевского, который настаивал, что в долгосрочной политике относиться к России как врагу недальновидно. Поскольку это похоже на нынешние настроения, постольку полезно напомнить о старой полемике и взвесить используемые аргументы.

Славянский вопрос возникает вместе с объединением русских княжеств в единое российское государство. Достоевский писал: «Оставить славянскую идею и оставить без разрешения задачу о судьбах восточного Христианства (Nb, сущность Восточного вопроса) – значит, всё равно что сломать и вдребезги разбить всю Россию, а на место её выдумать что-нибудь новое, но только уже совсем не Россию» [6, 30]. Это не революция, а уничтожение России. Писатель разделит славянский и восточный вопросы. Главным для Достоевского был восточный вопрос: Константинополь должен быть наш. Тут он более радикален, чем Данилевский, считавший, что этот город должен быть открытым для всех. Славянский вопрос касается защиты славян от геноцида со стороны турок. Причём Достоевский предупредил, что благодарности за это не будет. Поляки и другие жители восточной Европы считают русских варварами. Как говорил

Достоевский, они поймут неизбежность дружбы и единства с Россией лет через сто. К сожалению, пока сбылись самые чёрные предсказания о том, что они быстро забудут, что Россия спасла их от турецкого (а потом от фашистского) ига.

В ответ на враждебные высказывания в европейской печати Достоевский выдвинул тезис: Врагом Европы является не Россия, а иезуиты, воинствующие клерикалы, натравливающие Францию на Германию. Война между ними неизбежна. Таким образом русско-турецкая война, предсказывал писатель, перейдёт в европейскую. По мнению Достоевского, это даже будет выгодно для России. Конечно, он признавал, что бойня будет кровопролитной, но «зато разрешится окончательно столько вопросов (римско-католический вместе с судьбой Франции, германский, восточный, магометанский), столько уладится дел, совершенно неразрешимых в прежнем ходе событий, до того изменится лик Европы, сколько начнётся нового и прогрессивного в отношении людей, что, может быть, нечего страдать духом и слишком пугаться этого последнего судорожного движения старой Европы накануне несомненного и великого обновления её» [6, 23].

Рассуждения Достоевского строятся на основе противоположности друга и врага. И в этом вопросе, главное, не ошибаться. Поэтому их следует воспринимать как предупреждение. Европейские газеты агитировали за турок, и Достоевский недоумевал, почему не замечают уничтожения болгар. «В Европе и прежде нас мало знали, даже до того, что всегда надо было удивляться, что столь просвещенные народы так мало интересуются изучить тот народ, который они же так ненавидят и которого постоянно боятся» [6, 28].

«Неполиткорректность» высказываний Достоевского объясняется геополитическим и одновременно теологическим мышлением. Как культуролог он настаивал на единстве Европы и России, а как православный геополитик писал об их вражде. Европа продала Христа, но организация католической церкви сохранилась. Достоевский предрекал войну между Францией, оплотом католицизма, и Германией. Он писал, что Бисмарк понимал эту опасность и называл Россию другом Германии.

Полицентризм российской цивилизации. Метафоры будущего

Необходимо критически проанализировать наиболее распространенные ответы на вопрос, как люди могут жить в мире, соотнести их с условиями современности и раскрыть возможности полицентрического проекта цивилизационного развития. Наше время характеризуется как эпоха релятивизма и нигилизма, плюрализма и толерантности. При этом, несмотря на то, что технологии и рынок вплетены в общественную жизнь,

они не окончательно разрушили этно-политические основания социума. Наоборот, происходит укрепление общих ценностей, противодействующих катку гипермодерна. В новой «виртуальной» реальности целое не исчезло, а наоборот непомерно раздалось, оно закодировано глобально и планетарно для всего человечества.

Одни утверждают, что современное общество организовано по принципу концентрационного лагеря: изолированного места, в котором главное – выжить [1]. Другие говорят, что к современной общественной системе применима метафора музея, а не изолированного лагеря [12]. Модель современности следует строить по образцу сети, состоящей из каналов, по которым циркулируют люди, товары, знания и капиталы (включая культурный и символический).

Ульрих Бек считает, что человечество перешло от первого этапа модернизации, основанной на оппозиции между традицией и современностью, ко второму этапу, который по своей природе более рефлексивен и самокритичен [2]. На этой стадии проблемой становится сама модернизация, возникает новый модерн автореферентного типа. Липовецкий развивает эту мысль: второй этап модернизации не только автореферентен, но и направлен на реактивацию традиционных координат символического наследия прошлого [7]. Особенностью этого процесса является некая «литературность» или перформативность актов идентификации. Идентичность становится конструктом. Как народ в целом, так и отдельный человек является продуктом культурных практик воспитания, которые существенно отличаются друг от друга. Ценой прогресса в направлении общества благоденствия является снижение рождаемости и старение населения. Низкую рождаемость нельзя объяснить ссылками только на профессиональную занятость женщин и на дороговизну воспитания. Причина падения рождаемости лежит в изменении стандартов комфорта. Люди уже не желают обременять себя лишними заботами о других.

В современной России общественное сознание формируется на основе реактивации исторической памяти. Но должна быть перспектива будущего развития. Среди различных проектов будущего России преобладает либо исторический, либо юридический подход. Историки раскрывают славное прошлое и призывают к сохранению традиций. На воспитание патриотизма была нацелена русская классическая литература. Сегодня это выражается в движении за сохранение исторической памяти и реализуется в «форме боев за историю» на экранах масс медиа. На историческую память опирается имперский проект будущего России [8]. Юристы и правозащитники, наоборот, раскрывают в прошлом темные пятна истории и призывают к построению правового государства.

В отношении этих проектов можно выдвигать аргументы за и против. Ясно, что лучше не очернять прошлое, не оценивать его сегодняшними мерками гуманизма и толерантности, а попытаться понять, что осуждаемое сегодня насилие было неизбежно в чрезвычайных ситуациях. Толерантность приемлема в нормальном состоянии общества, но в случае конфликта требуются решительные действия, направленные на сохранение государства. Ситуацию с правами человека тоже нельзя расценивать однозначно. Следует помнить, что концепция правового государства — это наследие Просвещения. Идея прав человека возникает в рамках новоевропейского мышления, но претендует на универсальность. К какой бы эпохе или культуре не принадлежал человек, он имеет неотчуждаемые права.

Поэтому, упрекая Запад в европоцентризме и культурном империализме, не следует отождествлять универсализм и униформизм. Поскольку человек — творец и творение культуры, о нем нельзя рассуждать с внеисторической точки зрения. Права человека определяют общие предпосылки гуманности и тем самым задают границу радикальному историзму. Плюрализм культур возможен при определенных условиях, которые трансисторичны. Поэтому для легитимации прав человека следует сделать акцент на проблемах качества жизни, доступности медицины, образования и др. Поскольку в прошлом было много такого, что не следует хранить и, тем более тащить в будущее, то имперский проект необходимо уравновешивать правозащитными оценками. Формальное объединение этих проектов затрудняется тем, что они отвергают друг друга и могут соединиться в рамках более общей полицентричной модели развития.

Прогнозирование будущего России сталкивается с методологическими затруднениями. Языки описания цивилизационного процесса в этнологии и культурологии, географии и биологии, физиологии и филологии, социологии и психологии, антропологии и теологии характеризуют качественно различные модальности исторического процесса. Оправданной и своевременной кажется опора на философию как универсальный язык межкультурного диалога. Вместе с тем, такие философские направления, как герменевтика, структурализм, марксизм, позитивизм и феноменология явно исчерпали свои возможности. Представители этих «монотеорий», оберегая чистоту своих понятий, иногда доходят до обвинений своих противников в ненаучности. Поэтому задача состоит в разработке трансдисциплинарной методологии исследования России как уникального культурно-географического региона.

Межнациональные конфликты в Европе, Америке и России свидетельствуют о том, что не следует обольщаться возможностями рыночной экономики по части объединения людей в мировое сообщество. Не ме-

нее опасны и бесперспективны споры национальной интеллигенции, которая, смешивая культурную и национальную автономию, нередко разжигает национальную рознь, хотя и сожалеет о ее последствиях. Опасен как национализм, так и космополитизм. Судя по протестам против глобализации, для этого опасения есть серьезные основания. То, что подается под видом «общечеловеческих ценностей» чаще всего оказывается идеологией агрессивного государства.

Следует учитывать, что современная цивилизация более гуманна, чем кажется её критикам. Поэтому задача философии состоит не в том, чтобы подогревать апокалипсические настроения, а в том, чтобы внушать человечеству чувство уверенности в способности разума найти мирные и гуманные способы решения глобальных и локальных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен, Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. — М.: Европа, 2011. — 256 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.
3. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. — СПб.: Азбука-Классика, 2005. — 87 с.
4. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». — М.: ЭКСМО, 2014. — 463 с.
5. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — Л.: ЛГУ, 1989. — 496 с.
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. — Т. 26. — Л.: Наука, 1972-1990. — 517 с.
7. Липовецки Ж. Времена гипермодерна. Будущее философии: Профессиональный и институциональный аспекты. — СПб.: РХГА, 2011. — 157 с.
8. Папаяни Ф.А. Имперское будущее России. Противоборство идеологических проектов XIX-XX вв. — М.: Русская цивилизация, 2019. — 560 с.
9. Подорога В.А. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы: Том 1. Н. Гоголь, Ф. Достоевский. — М.: Культурная революция, Логос, Logos-altera, 2006. — 688 с.
10. Резник Ю.М. Имперский проект и жизненный мир человека. К экологии события // Личность. Культура. Общество. — 2017. — Т. XIX. — Вып. 1-2 (№№ 93-94). — С. 124-144.
11. Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока. — СПб.: Русский мир, 2016. — 636 с.
12. Слотердайк П., Хайнрихс Г.-Ю. Солнце и смерть: Диалогические исследования. — СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. — 608 с.
13. Чехов А.П. Остров Сахалин. Полное собрание сочинений в 18-ти томах. — Т. 15. — М.: Наука, 1987. — 478 с.

Поступила в редакцию 01.05.2020 г.